

Гюнтер Бломертц
**Откровения пилота люфтваффе. Немецкая
эскадрилья на Западном фронте. 1939-1945**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=608725

Откровения пилота люфтваффе. Немецкая эскадрилья на Западном фронте. 1939-1945:

Центрполиграф; Москва; 2009

ISBN 978-5-9524-4246-7

Аннотация

Эта книга – воспоминания летчика-истребителя германских люфтваффе, воевавшего в годы Второй мировой войны на северо-западе Франции и Бельгии. Автор, очевидец и участник событий, повествует о наиболее интересных эпизодах в истории своей эскадрильи и судьбах своих товарищей, вынужденных убивать и быть убитыми. Это рассказ о трагедии молодых немецких летчиков, которые были уверены в быстрой победе своей армии, а потом тяжело пережили свое поражение и бессилие.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	19
Глава 5	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Гюнтер Бломертц

Откровения пилота люфтваффе. Немецкая эскадрилья на Западном фронте. 1939–1945

Предисловие

Чтобы в полной мере оценить эту книгу, читатель должен иметь представление о командной структуре подразделений истребителей германского люфтваффе, а также понимать значения некоторых слов, которые необходимо оставить в тексте в их оригинальном виде на немецком языке, поскольку в русском равных им по значению не существует.

Так, самое мелкое тактическое формирование, состоящее, как правило, из двух или трех самолетов, называлось *Rotte*, а командир этого формирования – *Rottenführer* (ротенфюрер). Самое мелкое тыловое подразделение люфтваффе, которое использовалось так же, как тактическое, носило название *Schwarm*. Оно состояло из четырех или пяти самолетов. В полете им командовал *Schwarmführer* (швармфюрер). Несколько таких подразделений, обычно от трех до пяти, формировали *Staffel*, которым командовал офицер, именуемый в этой книге *Staffelkapitän* (штаффелькапитан) или иногда просто *Kapitän*, независимо от его настоящего воинского чина. Как правило, командующий этим подразделением носил звание *Hauptmann* (гауптман), или майор, и называли его просто командиром. В полете, когда он вел в воздухе свой *Staffel*, офицера именовали *Staffelführer* (штаффельфюрер). Три подразделения *Staffel* формировали *Gruppe*, чей командующий офицер был известен как *Kommandeur*, независимо от его настоящего чина в люфтваффе. Три *Gruppen* составляли *Geschwader*, самое крупное тыловое подразделение, о котором упоминается в этой книге. Командующий *Geschwader* офицер назывался *Kommodore*.

Fähnrich – квалифицированный пилот со статусом офицера, но еще не получивший воинское звание. Название этой категории можно перевести как пилот-курсант или просто курсант. В германских эскадрильях истребителей обычно был интендант. В порядке исключения он тоже носил звание *Hauptmann*, или капитан.

Friend Hein – немецкое разговорное выражение, означающее смерть.

Слово *Flugzeugführer* означает пилот.

Глава 1

Вот что сказал мне много лет назад мой отец:

– Ты хочешь быть летчиком? Теперь подумай, мой мальчик. Внизу под нами живет такая же семья, как наша: папа, мама и их ребенок. Они, так же как и мы, усердно молятся перед ужином. А ты хочешь полететь и сбросить бомбу на этих мирных людей!

– Нет, – ответил я. – Нет, папа. Я хочу быть пилотом истребителя. Тем, кто сбивает бомбардировщики.

После этих слов я протянул родителям в окно вагона поезда руки. Мама тихо плакала, а отец едва слышно произнес:

– Возвращайся невредимым, мой...

Первый полет над полями и широкими лесами, над красными черепичными крышами небольшого городка, тяжелые чемоданы, с которыми я прибыл на фронт. Ох, они были действительно тяжелыми! Я поставил их на пол и вошел в казарму с сухим и пыльным полом. Это было в Аббевилле... Неподалеку от этого городка проходила линия фронта. Стоявший передо мной худощавый человек в простой льняной летной форме – Kommandeur – был командиром аббевилльских ребят. Ярко-желтый спасательный жилет свободно висел на его плечах, а из-под воротника виднелась трехцветная полоска из черной, белой и красной частей.

– Сколько лет?

– Девятнадцать, герр майор.

Офицер выпятил нижнюю губу и несколько мгновений молча смотрел на меня.

– Есть какие-нибудь пожелания?

Эти слова прозвучали как издевательство, но у меня на самом деле было желание оказаться рядом с друзьями. Вернер и Ульрих напоминали мне о родном доме.

Раскаленный солнцем воздух дрожал над бетонными взлетно-посадочными полосами и большими участками, поросшими травой. Мне пришлось почти полчаса тащить тяжеленные чемоданы на другой конец аэродрома. Над самым горизонтом вдруг что-то сверкнуло: двенадцать истребителей должны были через несколько секунд оказаться у меня над головой. Вскоре можно было уже различить кабины, крылья и орудия – самолеты летели низко над землей, но глухого гула моторов я по-прежнему не слышал. Вскоре за стеклами кабин стали видны лица в очках. Тупые носы истребителей неслись в мою сторону. Тонкий поющий звук в одно мгновение стал громким, затем самолеты, словно гром, проревели у меня над головой и скрылись.

Я обернулся им вслед. Двенадцать хвостов с оперением единым фронтом снова взмыли высоко в небо. Так вот они какие! Томми¹ называли этих летчиков «аббевилльскими ребятами», боялись и уважали их.

– Стрелковое звено! – сказал я себе.

Самолеты вернулись. Сделав крутой вираж, они облетели поле аэродрома по кругу и стали дружно снижаться. Свист, рев и резкие хлопки сопровождали аккомпанементом вращавшиеся по инерции винты двигателей. На какую-то долю секунды машины сверкнули своими плоскими, серебристо-голубоватыми брюхами, приблизились к своим теням на траве и аккуратно приземлились на широко расставленные колеса шасси. «Может, это моя эскадрилья? – подумал я. – А может быть, Ульрих с Вернером тоже служат здесь? А вдруг они уже погибли?» Я протащил свои чемоданы немного дальше, подгоняемый радостным предвкушением встречи с друзьями.

¹ Томми – прозвище английских солдат.

В этот момент из расположения эскадрильи в небо медленно и неловко поднялась «железная птица». Мотор машины ревел, она направилась в мою сторону, расставив тонкие, похожие на ноги аиста, стойки шасси, собираясь снова сесть на землю. Самолет приземлился чуть не в тридцати шагах от полосы дерна. Пилот выпрыгнул из кабины, словно клоун на представлении в дешевом шапито.

– Привет, старик! Что за зрелище предстало моему бедному, утомленному взору! Ты тоже приволок свои кости на этот рынок?

Передо мной стоял Ульрих, темноглазый резервист из запаса, с длинными, почти черными волосами. Ульрих – мой приятель с первых дней службы, носивший свою форменную майку с огромным почтением и забиравший каждый вечер в казарме на самую верхнюю койку.

– Ульрих, старина, как ты узнал, что я здесь? – пробормотал я.

– Каким ты был тугодумом, таким и остался! Как я узнал о твоём приезде? Увидел, как ты ковылял по полю, и сразу узнал твою круглую физиономию. У меня соколиный глаз, старик, соколиный! Покурим?

От Ульриха, как всегда, пахло французской туалетной водой.

– Кстати, у тебя вид заправского швейцара, – насмешливо продолжил мой приятель. – В нашей эскадрилье машины для тебя нет, но эта вполне подойдет. Простецкая, правда? Ну что, пошли?

Мы засмеялись и направилась к самолету. Ульрих шел своей обычной походкой, наклонившись вперед, отчего казалось, что он упадет и уткнется носом в землю. В уголках его губ и глаз появились заметные морщинки.

– Да, сильно потрепало аббевильских ребят, – усмехнулся Ульрих. – Сегодня вечером мы собираемся утопить нашу тоску.

– А где Вернер? – спросил я с внутренним содроганием.

– Час назад прыгнул с парашютом над Сент-Омером. Досталось ему прилично. Зенитки все брюхо пропороли. Бедняга только что вышел на связь. Возвращается с другим самолетом. Бросай свою сигарету!

Мы забрались в кабину самолета, и началось мое самое короткое в жизни воздушное путешествие. Несколько секунд спустя мы вылезли из машины и спрыгнули на землю между двумя ангарами.

– Тот, который впереди, – Kapitän, – тихо пробормотал Ульрих.

Офицер вполне мог сойти за курсанта. Его молодое загорелое лицо было как у восемнадцатилетнего мальчишки. Пилоты лежали в шезлонгах между самолетами и ждали следующего вылета. Kapitän познакомил меня с каждым из них, затем Ульрих усадил меня в шезлонг рядом с собой.

Двух пилотов, сидевших справа от меня, звали Фогель и Майер 2-й. Странная парочка. Казалось, они существовали исключительно друг для друга.

– Лучшие в эскадрилье, – прошептал мой приятель, кивнув в их сторону.

Внимание легчиков вдруг привлек громкоговоритель. Ульрих напряженно вслушивался, крепко сжав губы. Сначала можно было различить только глухой гул, какой обычно бывает, когда включается электропитание. Затем голос объявил:

«Ахтунг, ахтунг!² Вражеские самолеты над Лондоном. Похоже, четырехмоторные бомбардировщики!»

Ульрих едва слышно выругался:

– Нам опять лететь.

² Внимание, внимание! (нем.)

Нервно бросив сигарету, он повернулся и направился к своей машине. Другие пилоты уже забирались в кабины.

«Готовность номер один!» – донеслось из громкоговорителя.

Задержавшиеся летчики тоже садились в кабины самолетов. Я стоял на крыле рядом с Ульрихом, который, сжавшись в узком кресле, пристегивал ремни.

– Покажи им! – Рассмеявшись, приятель толкнул меня в грудь.

– Покажу, – кивнул он, затем взволнованно повторил: – Покажу, покажу...

Кулаки Ульриха сжались, и я увидел, каким серьезным сделалось его лицо. Взгляд стал отсутствующим. В глазах отражалось нечто странное: не страх, а какая-то фигура с косой, направлявшаяся к нему по широкому полю. Поскольку мы с Ульрихом были давно знакомы, из-за непривычного выражения его глаз он вдруг показался мне пришельцем с другой планеты, стремившимся изучить землю и жившим среди людей с целью узнать их привычки, радости, горести, чтобы тоже стать способным любить, сражаться и погибать, как каждый смертный.

«Ахтунг, ахтунг! Эскадрилья, на взлет! Вражеские самолеты с десантом над устьем Темзы. Продувка».

Двигатели мощностью в две тысячи лошадиных сил мгновенно ожили. Поток воздуха от винтов оттолкнул меня назад, как будто восемьдесят тысяч лошадей проскакали мимо меня. Сорок маленьких, компактных одноместных машин промчались по летному полю, тяжело оторвались от земли и с нарастающей скоростью помчались навстречу врагу.

В тот же день один из пилотов нашей эскадрильи победил в своем двадцать пятом по счету воздушном бою. Вечером толпа ребят ввалилась к нам, чтобы в компании поздравить удачливого товарища. Kommandeur со своим штабом, капитаны из соседних подразделений, пилоты – все были здесь. По сравнению с утром их внешний вид сильно изменился. Вместо промасленных летных комбинезонов они надели белую или темно-синюю форму, белоснежные рубашки и согласно особому обычаю эскадрильи белые носки. Даже в Версале вы не увидите такого старательного соблюдения этикета, как здесь. Хотя, несмотря на это, беседы велись весьма вольные.

Интендант нашей эскадрильи тоже пришел. Это был майор-резервист, который всегда носил форму английского покроя. Его частенько называли «папой», и он действительно мог сойти за отца каждому из нас. Сейчас он начал рассказывать историю о «вечернем приеме», устроенном чужеземному гостю в маленьком замке неподалеку от Сент-Омера, о легендарном англичанине, который когда-то лишился обеих ног, а теперь был сбит в бою. Отважный летчик приземлился целым и невредимым, но его протезы сломались. Попавший в плен знаменитый командир авиационного крыла Бэйдер оказался среди немецких летчиков. Командир эскадрильи истребителей лично пригласил его на вечеринку.

Оба аса сидели в глубоких креслах возле камина, не сводя глаз с потрескивающих углей. Атмосфера была несколько напряженной. Все понимали чувства гостя. Неподвижные лица летчиков в тусклом свете от пылающих поленьев выглядели спокойными. Никто не проронил ни слова. Время от времени пилоты понемногу потягивали из своих бокалов, ни на минуту не забывая о соблюдении маленьких формальностей. Немцы не могут вести себя по-другому. Они оказывали честь гостю, который пренебрег тем, что у него не было обеих ног, и сражался за свою страну.

Странность ситуации и размышления о сбитом противнике вызывали у всех одинаковые мысли. Летчики проклинали войну и судьбу, которая бросает человека после его рождения в общество и заставляет приспособливаться к нему. Почему каждый из них не родился в Англии? Тогда эта страна получила бы еще много классных пилотов. Почему англичанин, сидевший у камина, не был немцем? Вероятно, он мог бы стать нашим командиром. Разве

до войны мы часто не сидели за одним столом с теми, убить которых теперь являлось нашей высочайшей обязанностью? Вдруг стало совершенно непонятно, как люди с одинаковыми чувствами, желаниями и нуждами могли уничтожать друг друга.

И англичанин, вероятно, размышлял об этом, но тоже оказался не способен решить проблему и перестал думать о ней. Когда он отвел глаза от камина, летчики подняли в его честь бокалы. Затем между пленным и немецким генералом завязалась, выражаясь общим языком истребителей, дискуссия об опыте ведения воздушных боев. Такие беседы могут вести только большие друзья.

В тот же вечер гость спросил, нельзя ли доставить сюда из Англии его запасные протезы, и несколько часов спустя британский радист держал в руках радиограмму: немцы предлагали в оговоренное время организовать их самолету эскорт до места, куда следовало сбросить протезы на парашюте. Но англичане, кажется, не очень доверяли противнику, поскольку на следующий день прислали сообщение, что протезы будут сброшены в другое время и в другом районе.

Наградой нашему майору за его рассказ было внимание летчиков. Совсем недавно я слышал об этом замечательном офицере Военно-воздушных сил Великобритании, который постоянно призывал своих товарищей бежать из лагеря военнопленных. В конце концов он бежал, и некоторые даже предполагали, что наш генерал побудил его к этому. Во всяком случае, генерал от души выругался, услышав, что группу беглецов-англичан поймали.

Когда рассказчик умолк, вокруг воцарилась тишина. Немногие из моих товарищей-пилотов знали о памятном месте перед камином в замке Сент-Омера: иных уж не было на этом свете. Неудивительно, что мы молчали.

Коммандеур поднялся:

– Друзья! Аббевилльские ребята приходят, выполняют свой долг и уходят. Они следуют примеру своих павших собратьев. Наши братья завещали нам свой рыцарский дух. Каждый из нас может пронести этот дух в себе и передать его следующим поколениям, даже когда неприятель празднует победу. За всех настоящих рыцарей!

Из соседней комнаты донеслись приглушенные звуки джаза. «Рыцари всегда будут существовать, в любую эпоху», – подумал я.

Глава 2

В тот же поздний вечер, держа в руках бокалы с бренди, мы с Ульрихом получили приказ на рассвете вылететь на маленький аэродром к северу от Аббевилля. Он располагался на краю леса Креши. Томми пользовались им еще в Первую мировую. Там мы должны были перехватить двух «Спитфайров»,³ которые повадились каждое утро в одно и то же время вылетать из-за горы Бижи и патрулировать побережье. Утренняя разведка, с точки зрения томми, была не очень рискованной. Эти ранние пташки чувствовали себя в безопасности. Британцы не верили, что мы сядем в самолеты в такой час. На их беспечности и строился наш расчет. По этой причине и мы и англичане обычно отправляли на такие операции молодых пилотов, «подопытных кроликов», так сказать. Это был быстрейший способ провести их крещение огнем.

Теперь «подопытным кроликом» был я. Пробыло шесть утра, когда я спустил свою правую ногу с койки. Через час кто-то будет стрелять в меня, а я, вероятно, впервые в жизни испытаю свое оружие на живых людях.

Как и миллионы других, я принимал вещи такими, какими они были, и пытался отогнать тяжелые мысли. Я взглянул на свой «новый» самолет: возможно, скоро мы вместе с ним будем лежать в земле. На самом деле машина была такой старой, что можно было заподозрить, будто она обладала сознанием и опытом. Некоторые утверждали, будто этот самолет мог летать без пилота и сам стрелять по вражеским самолетам. Я надел свой халат.

В это же мгновение поступил приказ: «Англичане блокировали устье Соммы. Вылететь немедленно!»

Неприятель провел вчерашний вечер не за бокалом бренди! Я побежал к своей машине. Ульрих с выпученными глазами и в пижамах тоже понесся к самолету. Когда двигатели взревели, кто-то напялил на меня спасательный жилет и застегнул на мне ремни парашюта.

Полный газ! Уже оторвавшись от земли и полетев рядом с Ульрихом над верхушками деревьев, левой рукой я натянул на голову шлем, надел перчатки, поправил висевшие на шее наушники радики, убрал шасси, поднял закрылки, навел в кабине порядок и произвел бесчисленное количество необходимых мелких ручных регулировок.

Мы уже летели над морем в условиях видимости вряд ли больше трех километров. Вдруг сквозь влажный серый утренний туман нам навстречу ринулись два «Спитфайра». Повернуть штурвал, оценить обстановку, сделать вираж и выстрелить было делом нескольких секунд, в течение которых тело и мозг действовали с автоматической точностью: моментальная реакция на цель, для чего я готовил себя два года. Я выстрелил неосознанно и без всякой мысли о последствиях. Неприятель рухнул вниз под моим огнем. Победа! Меня охватила порыв радости и гордости. Чтобы оправиться от него, мне потребовалось несколько секунд. Наконец я повернул свой самолет и с тревогой огляделся по сторонам в поисках Ульриха. Далеко позади пулеметные очереди разрезали чистое небо: противники преследовали друг друга, совершая крутые, резкие виражи. Я не успел на помощь. В воздухе раскрылся и стал медленно опускаться маленький белый грибок. Самолет Ульриха вонзился в лес, а томми улетел восвояси.

Я стал низко кружить над своим другом, его пижама развевалась на ветру. Ульрих, похоже оставшийся невредимым, помахал мне рукой. Он едва успел приземлиться на маленькой лужайке, как к нему со всех сторон бросились наши отважные пехотинцы, чтобы захватить в плен. Очевидно, они ошибочно приняли Ульриха за сбитого врага, а меня за

³ «Спитфайр» – английский истребитель.

торжествующего немецкого летчика. Впервые после воздушного боя я от души рассмеялся: Ульрих, «пленный томми», стоял внизу в одной пижаме с поднятыми вверх руками!

Мне пришлось переключить свое внимание на самолет и не удалось проследить за этим спектаклем дальше, но я увидел, как пехотинцы увели моего друга. Пролетев добрую часть пути к аэродрому, я оглянулся и, к своему ужасу, увидел у себя на хвосте еще один самолет, который находился уже на расстоянии выстрела. К счастью, это был не томми. Неизвестный пилот поднял руку к своему шлему, и я отсалютовал ему в ответ. Он улыбался во весь рот.

– Доброе утро, старик, – послышался голос в моих наушниках. Я снова пригляделся к незнакомцу, на этот раз внимательнее.

– Вернер! Эй, Вернер!

Мне снова пришлось повернуть голову и посмотреть вперед, но теперь я все понял. Вернер, который выпрыгнул вчера с парашютом из подбитого самолета близ Сент-Омера, возвращался теперь на новой машине в Аббевилль. Я снова взглянул на него. Он смотрел вперед и говорил, не поворачивая головы:

– Ты садишься в Аббевилле?

– Причем не очень достойно. Взгляни на это! – Я приподнял полу своего халата.

Вернер понял не сразу.

– Отличный видок! – захохотал он.

Я не понял, что Вернер имел в виду – мой халат, пижаму Ульриха или все вместе. Несколько минут спустя, когда я пошел на снижение над лесом Креши, мы снова помахали друг другу, словно после нашей последней встречи прошло не пять долгих лет, а всего несколько дней.

Ночь закончилась, и ее сменил тяжелый день. Я лежал без сна и думал о тянувшемся времени. Для большинства людей оно было привычным, лишь для некоторых имело особое значение. Сегодня, как и много лет назад, смерть и скорбь, победа и иступленный восторг случайно распределялись среди нас. Друг и враг находились под действием одной и той же иллюзии, когда скромно или с гордостью возносили к небесам мольбы, кто с просьбой, кто с благодарностью, и каждый стремился любить добро и ненавидеть зло. Мы тоже принадлежали к ним.

Время от времени мы открыто признавали бессмысленность нашей жизни. Еще чаще просто чувствовали ее. Но что в такие моменты могло поделаться отвращение, опутавшее наши тела и души и тащившее нас за собой? Положительными мотивами наших поступков в то время были родина, оставшиеся дома жены и дети, которых нужно было надежно защитить. Впрочем, такие же чувства испытывали и враги. Мы, совсем еще мальчишки, не могли полностью оценить значение происходивших событий. Судьба мчалась вперед по своей predeterminedенной дороге, и, хотя мы пытались защитить себя, она била нас, как ей хотелось. Я не мог преградить ей путь; и ты, который хотел убить меня сегодня утром, тоже не мог сделать это. Томми, если ты еще жив, может, уже сидишь и выпиваешь в каком-то баре в Вест-Энде? А может, ты сейчас в каком-нибудь тихом уголке оплакиваешь одного из своих товарищей по эскадрилье, погибшего ранним утром? Возможно, сейчас ты пишешь письмо его родителям или невесте, которые еще веселы и не подозревают о том, что случилось? Томми, я знаю, ты поступишь так, как я поступил бы в такой же ситуации.

С какой радостью я жал руки моих друзей! С каким сияющим лицом я выпрыгнул из кабины в то время, когда душа покинула еще теплое тело убитого мной человека. Какая гордость распирала меня до того, как по пилоту, которого я сбил, зазвонил колокол.

День прошел весело, с танцами и смехом девушек. Я хотел забыть сегодняшнее утро, стереть из памяти стоявшую перед глазами картину с кровью и светящимися на крыльях кругами. Наконец на землю опустился тихий вечер. Я очень устал, но не мог заснуть. Лихора-

дочные мысли все еще носились в моей голове. Неужели каждый солдат испытывал подобные чувства после того, как впервые убивал человека?

Я прислушался к ровному дыханию Ульриха. Если бы я спросил его об этом, он, наверное, рассмеялся бы.

«Последней пулеметной очередью ты спас себя!» – сказал бы мой друг с улыбкой, без иронии и легкомыслия и, совершенно точно, без грусти. Вся сцена еще стояла у меня перед глазами. Томми в своем «Спитфайре» летит впереди меня. Я не понимаю, стрелять мне в него или нет, но нажимаю на гашетку. С паузой в несколько секунд и в страшном возбуждении. Затем мы делаем виражи, крутые, насколько это возможно. Кажется, в любой момент я могу войти в штопор. Бурное море плещется в какой-то в сотне метров подо мной, и мы летим очень далеко от берега. Я пока не повис на хвосте неприятеля, и верное отклонение для стрельбы по нему еще не достигнуто. Нервы напряжены до предела. Моя жертва внезапно разворачивает машину прямо передо мной так резко, что в разреженном воздухе появляется белый след. Я реагирую мгновенно и использую свой мизерный шанс избежать столкновения. Рванув двумя руками штурвал на себя, я за долю секунды нахожу удобный для стрельбы угол. Мой указательный палец медленно нажимает на гашетку, и фюзеляж вражеской машины вспыхивает.

Самолет падает почти вертикально, но пилот отчаянным усилием у самой земли успевает восстановить управление и круто взмывает вверх – смертельный трюк. Я вижу, как он пытается выбраться из кабины, – он хочет выпрыгнуть с парашютом. Томми похож на загнанного на охоте зверя, и я душой с ним, лихорадочно молюсь за него.

Вот решающий момент! Подбитый самолет из последних сил поднимается вертикально вверх передо мной. Огромные круги на крыльях враждебно смотрят на меня, наполняя мою душу единственным чувством – ужасом. В течение нескольких секунд, решающих жизнь человека, мой палец снова нажимает на спуск, и огонь с готовностью вырывается из пушек моего самолета. Я содрогаюсь. Этого не должно было случиться. В этом не было необходимости. Но я не могу вернуть эти смертоносные жемчужины обратно; они улетели.

– Прыгай! Парень, прыгай же! – громко кричу я в отчаянии, но вместо этого вижу окровавленное тело; оно отклоняется в сторону и, обезображенное, висит в воздухе. Затем над ним смыкаются волны...

А может, это дрожь моего пальца стала причиной смерти того человека? Я не знал. И снова мне в голову пришла та же мысль: судьба следует своим путем и сбивает нас, как ей нравится. Я не мог остановить ее, и ты тоже – кем бы ты ни был.

Я повернулся на подушке и протянул руку, чтобы зажечь лампу и взять сигареты. Долго и задумчиво я смотрел на фотографию своих родителей. Может быть, завтра они будут оплакивать меня.

– Все не спишь? – тихо спросил Ульрих, хотя прекрасно знал, что я не сомкнул глаз. Он тоже лежал и смотрел в потолок. – О чем думаешь?

– О чем думаю, – немного грустно повторил я. Это был сложный вопрос. Как солдат, я сейчас должен был забыть о сердечных беседах. Но было очень легко говорить, лежа и глядя в потолок. С потолком всегда легче разговаривать по душам. – О чем я думаю, Ульрих? О томми, сбитом сегодня утром, – признался я. – В этом не было никакой необходимости. Почему он не выпрыгнул раньше?

– Ты должен забыть об этом, – ответил Ульрих. – Человек ко всему привыкает, включая и стрельбу по людям. Но даже при этом война остается отвратительным делом.

Мы помолчали.

– Знаешь, – продолжил мой друг после короткой паузы, – она гораздо отвратительнее для таких, как я, которые делают все без настоящего убеждения.

Мы не проронили больше ни слова. Не знаю, как долго мы лежали без сна, но лампа еще горела, когда рассвет разбудил нас.

Глава 3

На следующее утро шасси наших истребителей последний раз проехали по летному полю на опушке леса Креши. Работа была выполнена. Механики помахали нам руками, и мы взяли курс на Аббевилль. Мокрая от росы трава блеснула позади нас. Когда потоки воздуха от винтов пробудили верхушки деревьев, большие и маленькие обитатели леса привычно бросились наутек. Сердца птичек затрепетали, когда над ними прогрохотали сапоги-скороходы двух великанов. Затем вокруг снова воцарилась тишина.

Несколько минут спустя мы сели на ровную полосу родного аэродрома. Когда я выпрыгнул из своей машины, передо мной уже стоял Вернер. Я взглянул на него и расстроился. Мой друг казался чужим, незнакомым человеком. Пять лет изменили нас обоих. Наши дороги разошлись. Я покинул отчий дом и из школы отправился на войну, а Вернер пришел из национально-политического воспитательного учреждения. Его светлые волосы были тщательно причесаны, голубые глаза стали гораздо более серьезными, чем раньше, и он теперь выглядел настоящим гигантом. Только время могло показать, изменился ли мой друг в чем-то еще.

Мы разлеглись в шезлонгах под ярким небом в ожидании появления вражеских самолетов, играя в шахматы, в скат и без умолку болтая о чем угодно, лишь бы убить время, облегчить муки от пытки ожиданием. Ульрих уединился и что-то писал, не позволяя никому заглянуть ему через плечо. Вернер сидел рядом со мной, а по другую сторону лежали, как обычно вместе, Фогель и Майер 2-й.

– А эта парочка. Они вообще нормальные? – тихо спросил я.

– Думай как хочешь, – ответил Вернер. – Кроме кроватей и зубных щеток, у них больше нет никаких личных вещей. Один фотоаппарат на двоих, одна машина, одна зажигалка. Они читают одни и те же книги, рассказывают одни и те же истории. У них одинаковые звания. Ребята всегда летают вместе, одержали одинаковое число побед в боях, и оба совершенно не интересуются женщинами. Каждый несколько раз спасал жизнь другому, и я уверен: если одного вдруг убьют, другой этого не переживет. Между прочим, это лучший пример дружбы. К тому же они превосходные летчики.

Никто не знал, когда и как Фогель и Майер 2-й так сдружились. Кто-то услышал о Майере 2-м в летной школе, поскольку он был в некотором смысле знаменитостью люфтваффе. История его звучала так: несколько лет Майер 2-й работал механиком, но самой заветной его мечтой было стать летчиком. Эта мысль не давала ему покоя. Достичь цели официальным путем Майеру казалось нереальным, поэтому он тайно стал практиковаться на самолетах, стоявших на запасном аэродроме, учась взлетать, вести машину на высоте и садиться. За год Майер отлично изучил многочисленные кнопки и рукоятки и даже мог управляться с ними во сне, когда он летел высоко в небе. Наконец пришло время, когда Майер 2-й почувствовал себя во всеоружии. Он взлетел и стал осторожно кружить над аэродромом. Друзья, собравшиеся на поле и следившие за его смелыми действиями, затаив дыхание, ожидали катастрофы. Они слышали о таких случаях, но до сих пор ни одному из этих сумасшедших не удавалось остаться живым. Более того, Майер 2-й вбил себе в голову, что должен полететь без парашюта. Его ноги на рычагах руля направления свело судорогой, от ужаса потек ручьями, мокрые руки вцепились в штурвал и рычаг газа. Внизу он разглядел крохотные группки приятелей и вдруг увидел рядом другой самолет. Пилот отчаянными жестами призывал его прыгать. Майер 2-й так испугался, что рычаги руля направления едва не выскользнули у него из-под ног. Тогда он поспешно посмотрел вперед.

«Спокойно», – подумал он и громко выкрикнул:

– Я обер-ефрейтор Майер 2-й! Я буду держать себя в руках! Спокойно!

Майер 2-й кричал до тех пор, пока у него на глазах не выступили слезы. Но этот маленький монолог его успокоил и придал решимости, чтобы выполнить самую сложную часть полета. Он медленно толкнул рычаг газа вперед, готовясь к посадке. Самолет стал снижаться. Майер 2-й осторожно повернул влево и стал по нисходящей спирали кружиться над аэродромом. Земля начала стремительно приближаться. Бросив один взгляд на спидометр, а другой на положение машины относительно земли, Майер 2-й отчетливо понял, что через несколько секунд смерть для него станет реальностью. Самолет летел всего в нескольких футах над травой – как раз на расстоянии, равном глубине могилы. Прямо перед тенью машины на ее пути мчался испуганный заяц.

Майер 2-й выключил моторы. Вокруг стало очень тихо, и тут он сделал самую умную вещь в своей жизни: аккуратно потянул штурвал на себя. Машина тяжело плюхнулась на землю, подскочила, словно вальсируя, описала полный круг, развернулась в противоположном направлении и замерла, как в финале арлекинады.

Майера 2-го отправили к «отцу Филиппу» на гауптвахту, чтобы он охладил там свой пыл, посидев шесть долгих недель на воде и хлебе, развлекая себя чтением на выбор Библии или «Майн кампф». После того как Майер выдержал все это, его отправили в королевство его снов – в летную школу. И теперь он считался одним из самых выдающихся пилотов эскадрильи.

Вернер вдруг расхохотался. Летчики дружно вскочили со своих шезлонгов и торопливо повернулись спинами к проходившему мимо коту, чтобы их взгляды не встретились с глазами этого знаменья беды. Когда животное проследовало вдоль ряда шезлонгов, разгорелась горячая дискуссия по поводу предчувствий и суеверий; каждый стремился выговориться. Ульрих относился, пожалуй, к самой несерьезной категории спорщиков. Он не любил число тринадцать и клялся, что никогда не полетит в пятницу, если она выпадет на тринадцатый день месяца, потому что тогда его обязательно убьют. Помню, однажды вечером мы с ним искали, где бы нам остановиться на ночлег, и в конце концов нашли гостиницу, в которой свободным был только тринадцатый номер. Так потом Ульрих взял клочок бумаги, написал на нем «12А» и прикрепил к нашей двери.

Самый старший из нас страдал от суеверий гораздо сильнее. Он уже достаточно налегался, и его нервы превратились в лохмотья. Когда все было хорошо, он просто стучал три раза по дереву. Со временем привычка довела парня до того, что едва ли минута его жизни проходила без этого ритуального постукивания. И я представил себе, что тоже могу дойти до этого. Любая мысль, содержащая хотя бы толику неприятного, которая приходила ему в голову, вызывала у него чувство, что она непременно должна превратиться в мысль самую добрую. Это желание проявлялось по сто раз на дню. Он заставил себя поверить, что все зависит от постукивания, поэтому, кроме компаса, сигнальных ракет и цветастого мешочка, который пристегивался к ноге, всегда носил с собой кусочек дерева.

Нечто подобное замечалось и в других пилотах. Но всех без исключения больше всего подавлял характер одного механика. Все избегали самого этого человека и его взгляда, хотя он был прекрасным парнем и знал свою работу так же хорошо, как любой, кто давно был связан с авиацией. Около года назад выяснилось, что этот механик обладал даром ясновидения, способностью заглядывать в будущее. Тогда он тайно несколько раз предупредил двух летчиков, что вскоре им придется выпрыгивать из самолета с парашютом, но они не прислушались к его словам и разбились. Несколько недель спустя этот странный парень указал на одного из пилотов со странным замечанием: «Он следующий». И тот действительно стал следующим погибшим в воздушном бою. Это событие означало, что теперь для всех покоя не будет. Летчики окружили механика, чтобы узнать, кому было суждено стать «следующим». Добрый парень смутился и сначала отказывался отвечать, но ребята так сильно надавили на него, что ему пришлось согласиться. «Побереги себя, Роберт!» – сказал он одному

пилоту, вдруг замолчал и стал пристально смотреть в глаза другому, пока тот, покрасневший, с учащенно забившимся сердцем, в смущении не отвел взгляд в сторону.

Роберт погиб, а второй летчик по-прежнему был с нами. Эта единственная ошибка, однако, не поколебала общую веру, и только ужас при мысли получить смертный приговор удерживал ребят от дальнейших расспросов своего загадочного товарища. Кое-кто из летчиков все же попытался потом поговорить с ним за выпивкой, но механик с тех пор не проронил ни слова насчет предсказаний. Тем не менее я чувствовал, что рано или поздно тоже обращусь к нему, и уже прикидывал в уме, как вытянуть из него секретную информацию.

«Готовность номер один! – вдруг загредел громкоговоритель. – Эскадрилья, на взлет!»

Мы бросились по своим машинам и через минуту уже были в воздухе. Неподалеку от Амьена на пяти тысячах метров ревели тяжелые бомбардировщики. Нас было тридцать, впереди летела почти сотня четырехмоторных самолетов неприятеля, а выше в лазурном небе могло оказаться во много раз больше вражеских истребителей. Наши двигатели работали на полной мощности. Мы пытались настичь соединение англичан и на несколько миль обогнать его. Мотор моего самолета был старым, я стал отставать, поэтому мне пришлось развернуться навстречу бомбардировщикам раньше других. Нашей целью были вражеские летчики, мы должны были атаковать их спереди. Я действительно слишком рано развернулся. Мои товарищи, от которых я отставал, оказались совсем далеко. Сложилась неприятная ситуация, поскольку неприятель мог обрушить весь свой огонь на меня одного, на единственный истребитель, приготовившийся к атаке.

В моем прицеле появился тяжелый бомбардировщик. Он стремительно рос, становясь все больше, пока не занял все пространство. Я выстрелил, и в следующее мгновение столкновение с гигантом показалось мне неизбежным. Из всех сил ударив ногами по рычагам руля направления, я обеими руками толкнул штурвал вперед – трюк, который мог стать спасением, поскольку мой самолет полетел вертикально вниз на той же скорости, на которой я пошел в атаку. Еще один толчок, поворот штурвала – и я вышел из пике. Позади бесчисленные следы снарядов американских зениток образовали своеобразную защитную стену, похожую на грозовую тучу с градом и порванными кружевами пара. Ни одного из наших самолетов не было видно. Английские истребители, должно быть, во время атаки свалились на них сверху и рассеяли эскадрилью. Поскольку я летел один, меня не заметили. С тревогой я огляделся по сторонам в поисках хотя бы одного товарища, с кем можно было бы объединить силы. Два американских истребителя спикировали вниз. Оценив цель, я понял, что они пересекут линию моего огня, но в самый последний момент перед тем, как нажать на гашетку, увидел на их крыльях знакомые кресты. Но наши летели очень быстро, и моя машина никак не могла угнаться за ними.

Темное вертикальное облако дыма застыло в небе. Я пролетел рядом с ним и посмотрел вниз: оно разорвалось, когда сквозь него пролетел фюзеляж пикирующего «Спитфайра». В эти считанные секунды решилась судьба человеческой жизни, я никак не мог оторвать взгляд от загоревшегося самолета. Я надеялся, эта мысль мучила меня, что англичанин смог выпрыгнуть с парашютом. Наконец на фоне мрачного ландшафта раскрылся маленький белый грибок. Увидев, что фортуна улыбнулась летчику, я направил свой самолет к нему, чтобы поприветствовать и пожелать удачи. Я облетел вокруг маленькой, неуклюже висящей под куполом парашюта человеческой фигурки и помахал рукой.

Перед тем как повторить этот маневр, я оглядываюсь. Круги на крыльях и стволы орудий снова глядят на меня сверху. «Спитфайры»! Страшная картина буквально парализует меня. Орудия выплевывают сверкающую пламенем сталь, которая пробивает мой самолет от носа до хвоста. Показалось, будто огромный великан ударил по нему кулаком. Я намертво вцепляюсь в штурвал. Мое сердце останавливается, я не могу дышать. Наклонившись вперед, я смотрю на приборы. Тонкие стрелки дружно дрожат в такт. Вдруг они неожиданно

поворачиваются вместе – высотомер влево, указатель скорости вправо; это означает, что самолет потерял управление. Какая досада! Снова адский рев и страшный толчок. Я рву штурвал на себя и несусь вертикально вверх в свободном полете! Моя левая рука толкает рычаг газа вперед, и раненая железная птица на полном ходу взмывает в небо. Я кручу головой во все стороны. Вражеский самолет еще висит у меня на хвосте и продолжает стрелять. Но когда он бросается вслед за мной по моей восходящей спирали, его пули ложатся ниже, отставая на долю секунды. Я понимаю, что автоматически поступил правильно. Хотя английский самолет, наверное, мощнее, но отстает от меня из-за отдачи своих орудий. Мы еще круче забираемся вверх, совершая все более резкие виражи. Каждый из нас решает выжать из своей машины все возможное. Томми тоже отлично понимает, что решить исход боя должна высота. Победит тот, кто в конце концов окажется выше противника и сможет загнать его вниз.

Мой комбинезон насквозь пропитался потом. Мокрые ладони соскальзывают со штурвала. Пот заливает глаза, течет по носу и губам.

«Держи машину! – говорю я себе. – Держи ровнее!»

Я собираю всю свою нервную энергию в борьбе за каждый метр высоты. Кто-то однажды сказал мне, что для того, чтобы на минимальной скорости добиться максимального подъема, обязательно нужно пользоваться закрылками. С затуманенным взглядом дрожащими пальцами среди многочисленных рукояток и рычажков я пытаюсь отыскать рычаг, управляющий закрылками. Англичанин по-прежнему висит у меня на хвосте, но вдруг позади него появляется немецкий самолет.

– Говорит Вернер. Продолжай вращение! Не бросай! У меня кончились патроны.

Оказывается, Вернер летит за англичанином без единого патрона, чтобы помочь мне! Я собираюсь с силами и снова пытаюсь найти рычаг управления закрылками, но вместо этого дергаю соседний. Моя машина падает. Похоже, это конец.

Я опять быстро оглядываюсь назад, откуда вражеский самолет насаждает на меня. Вернер висит у него на хвосте. Появляется призрачная надежда, что томми сам посмотрит назад и увидит стволы орудий неожиданного противника. Но он не оглядывается и по-прежнему старается привести в действие свое оружие, даже не подозревая, что его преследует немецкий самолет. Итак, англичанин медленно вырывается вперед. Он решил пока не стрелять, намереваясь нанести мне смертельный удар прямой наводкой. Я в отчаянии хватаюсь за все рычаги, но самообладание покинуло меня. Мне кажется, что нужно нажать правый рычаг, но это ошибка, и моя машина снова снижается. Слишком поздно! Нос медленно опускается, и самолет падает. Со мной все кончено; я сижу, ожидая пулеметной очереди англичанина, скорчившись в узкой кабине. «А вдруг задняя броня выдержит?» – вспыхивает в голове мысль. Я жду. Руки и ноги стали свинцовыми. Смотреть, как он выстрелит в меня, невыносимо. Но ничего не происходит. Секундная стрелка перед моими глазами безжалостно обегает круг. Кровь, моя кровь пронзительно звенит в ушах, словно слишком сильно натянутая скрипичная струна, которая может лопнуть, в любой момент, сейчас.

– Стреляй! – кричу я. – Давай... стреляй!

Но ничего не происходит.

Внезапный сильный шум в наушниках. Я кручу головой. Впереди меня англичанин. Его самолет подбит и, вращаясь, падает. Вслед за ним по крутой спирали скользит Вернер.

– Таран! – слышу я торжествующий голос. Это Вернер. – Я пошел на таран!

Постепенно я понимаю, что произошло. Героический поступок друга спас меня: Вернер срезал хвост самолета неприятеля своим винтом. Я снова управляю своей машиной и медленно снижаюсь вслед за ним.

– Пытаюсь приземлиться в Аббевилле, – говорит Вернер. – Ахтунг! Вернер вызывает Аббевилль. Освободить поле. Посадка без винта.

Мы медленно снижаемся в направлении устья Соммы. Я лечу в нескольких метрах от Вернера чуть позади. Его самолет в плачевном состоянии. Винт оторвался, обшивка мотора, колпак кабины сильно повреждены, крылья погнуты. Кусок металла от английской машины зацепился за радиомачту. Мы спускаемся все ниже. В трех тысячах метров от нас лежит посадочное поле Аббевилля. Мы добираемся до плоского слоя облаков. Вернер пытается «опуститься» на него, так как хочет понять, на какой минимальной скорости сможет приземлиться, когда придет время, на аэродроме. В этот момент воздушный поток исчезает, и поврежденный самолет больше не подчиняется Вернеру. Он сбрасывает газ в нескольких ярдах⁴ над облаками, и на скорости меньше трехсот километров в час машина отвесно падает в похожий на вату туман.

Я снижаюсь рядом с Вернером.

– Бесплезно! – кричит он мне в наушники. – Тут не до посадки. Я прыгаю!

Когда мы выныриваем из облачной гряды, я все еще лечу рядом с ним и ясно вижу, как мой друг отбрасывает стеклянный колпак кабины, отстегивает ремни и встает, готовясь к прыжку. Затем я вижу, как он сползает с кресла, прижимается к фюзеляжу и падает, пока над ним не появляются шелковые волны парашюта. Поврежденная машина входит в штопор. Траектория ее падения становится все круче, пока, наконец, самолет не начинает лететь отвесно в бездну.

Тем временем Вернер обнаружил, что он находится в довольно сложной ситуации. Нашупав кольцо парашюта, он вдруг понял, что задние ремни, к которым крепились стропы, соскользнули у него с плеч и его тело повисло в воздухе горизонтально. Но Вернер не мог приземлиться в таком положении, потому что сломал бы от удара позвоночник. Ведь даже с парашютом такое падение равнозначно прыжку со второго этажа дома.

Вдруг Вернер расхохотался. Его левая рука бессильно повисла. Вероятно, он вывихнул ее, ударившись о фюзеляж своего самолета. Но это сейчас не особенно тревожило Вернера. В своем нынешнем положении парящего ангела он умудрялся любоваться раскинувшимся внизу видом и заслуживал восхищения. Но вскоре предчувствие беды стало усиливаться: его тело медленно, но безостановочно начало вращаться. Вцепившись в один из ремней, Вернер подтянулся, принял вертикальное положение и посмотрел вверх на шелковый купол парашюта. Несколько строп отцепились и свободно висели в воздухе. Край парашюта загнулся вверх. Мускулы Вернера напряглись, насколько это позволяла вывихнутая рука; затем он осторожно вернулся в горизонтальное положение, экономя силы для момента приземления.

Его тело снова начало медленно вращаться, и через несколько секунд мой друг с ужасом увидел, что с каждым оборотом парашют становился все меньше. Казалось, он неминуемо упадет вместе с пилотом на землю в виде сморщенных бесполезных складок! В летной школе Вернер однажды видел, как человек приземлился без парашюта. Он упал всего с пятидесяти метров, подскочил вверх, словно резиновая кукла, и рухнул на землю – кровавое месиво внутри летного комбинезона. Но хуже всего был вопль товарища, ужасный вопль, вырвавшийся перед падением. Это врезалось Вернеру в память навсегда.

– Нет, только не это! – пробормотал он дрожащими губами, снова изо всех сил подтянулся и принял вертикальное положение.

Вернер взглянул вниз, где на огромном расстоянии простиралась земля. Казалось, она совсем не приближалась. «Моя рука должна выдержать, – подумал мой друг. – Я должен держаться прямо». Попытавшись поднять левую руку, он сразу понял, что это невозможно. Рука казалась чужой. Земля в своей неподвижности все так же лежала внизу.

⁴ 1 ярд = 0,91 м.

– Я должен это сделать! – крикнул Вернер, словно по-другому не мог заставить свое тело слушаться. Стиснув зубы, он считал секунды, которые медленно складывались в минуты: оставалось продержаться целую тысячу метров.

Поля немного приблизились. На их зеленой поверхности поблескивали пятнышки и маленькие яркие звездочки. Во рту у Вернера пересохло. Голова гудела. Руки стали мокрыми и онемели. Постепенно он потерял интерес к собственной судьбе. Его воля и силы ослабли. Ремень стал постепенно выскользывать из руки. Казалось, Вернер начал погружаться в глубокий сон. Он снова повис горизонтально, а купол парашюта медленно вращался и уменьшался. Наконец в глазах у него потемнело, боль и страх исчезли. Мой друг потерял сознание.

Когда он пришел в себя, земля находилась в какой-то сотне метров от него и резко приближалась. Вернер подтянулся и поднял глаза. Купол парашюта стал совсем маленьким. Может быть, его ноги смогут выдержать удар? Но сколько людей до него надеялись на это, даже падая головой вниз!

Прямо впереди виднелся стог сена. Вернер падал на луг. Он видел этот стог, когда земля приняла его.

Вернер пролежал несколько минут в мягкой траве, невероятно изможденный, но радостный, хотя все его тело сильно болело. Ободранными до крови, онемевшими пальцами он нащупал сигарету и с трудом поднялся на ноги.

Глава 4

Когда я приземлился, поисковый отряд уже ушел. Меньше чем через час они вышли на связь и сообщили, что Вернер с его томми целы и невредимы и уже находятся в пути. Моего англичанина с серьезными ранениями отправили в полевой госпиталь.

«С серьезными ранениями», – пронеслось в моей голове. Картина боя опять всплыла у меня перед глазами: то мгновение, когда парашют англичанина раскрылся. Ведь я ждал, когда он раскроется. И все-таки томми был ранен! Это известие подействовало на меня так, словно кто-то рядом вдруг прикоснулся ко мне рукой и сказал: «Эй, парень! Ты ранил меня. Объясни, пожалуйста, в чем дело?» Что я мог ответить? Что это война? Что мы должны стрелять друг в друга, чтобы уничтожить врага? Или он предпочел бы назвать меня завоевателем?

Я чувствовал, что от меня ждали ответа: не снисходительности, извинений или жалости, а выражения моего уважения. Я стал искать что-нибудь подходящее и нашел в своей казарме бутылку виски «Белая лошадь» и пачку сигарет «Нэви Кат», которые мне подарил один парень с подводной лодки.

В летных ботинках я ступал по монастырской лестнице почти бесшумно.

– Не входить, – прошептал санитар. – Сюда нельзя. Он умирает.

Это был настоящий шок. Я взял себя в руки, но на мгновение замешкался. Возможно, мне действительно не следовало входить.

Санитар упрямо стоял на моем пути перед маленькой дубовой дверью. Тогда я оттолкнул его в сторону и вошел.

Над железной кроватью склонился священник. Казалось, он закончил службу и теперь ждал, чтобы закрыть глаза умиравшему человеку. Священник с удивлением взглянул на меня. Впрочем, по моему летному комбинезону, который я не снял, он мог понять, что мне здесь было нужно. Я застыл на пороге. Мой взгляд упал на бледное лицо англичанина, длинное молодое лицо девятнадцатилетнего парня. Его глаза были закрыты. Может быть, он ощущал мое присутствие и не открывал глаза, потому что из-за ненависти ко мне не хотел меня видеть. Уголки его губ скривились в едва заметной улыбке, в которой затаилась тень злости и досады. Под расчесанными красивыми волосами парня виднелся гладкий лоб.

Раненый открыл глаза и посмотрел на меня.

Я взял себя в руки и не отвел взгляда. Пока он смотрел на меня, его голубые глаза стали темнеть.

– Ты? – едва слышно произнес парень. В этом слове прозвучал ужас.

Я смог ответить только после того, как опустил взгляд и посмотрел на простыню:

– Да, дружище.

Черты его лица разгладились.

– Подойди, – тихо попросил он.

Капеллан поднялся и уступил мне свое место.

– Это тебе, – сказал я и сел рядом с кроватью. – Виски и сигареты.

– Дай посмотреть.

Я снял оберточную бумагу с бутылки и показал пачку сигарет. Англичанин взглянул на них и снова закрыл глаза.

– «Белая лошадь» и «Нэви Кат» из Англии, – четко, с веселыми нотками в голосе произнес я.

– Давай выпьем! – произнес он, на этот раз твердым голосом, и открыл глаза.

Священник с улыбкой кивнул, вышел с бутылкой, через несколько минут вернулся и поднес виски к губам умирающего. Я тоже поднял свой бокал.

– Сигарету.

Я прикурил одну для него и вставил ему между губ. Парень глубоко вдохнул дым, затем слабо выдохнул, теперь улыбаясь без злости или досады. По его лицу пробежала тень, ресницы вздрогнули, дыхание на вдохе остановилось. Восковые черты стали твердыми и холодными. Только в глазах еще теплилась жизнь.

Священник молился с такой же улыбкой, как у умирающего. Затем он наклонился над телом и с той же улыбкой закрыл покойному веки.

Мы пошли по коридору госпиталя.

– Спасибо, – сказал капеллан. – Благодаря тебе его уход был легким. Не каждый солдат может так умереть, если ты понимаешь. Я приехал с Восточного фронта.

Я кивнул.

– Там люди умирают по-другому, – задумчиво продолжил он. – Я видел тысячи смертей. Во время отступления я был на полевом перевязочном пункте. Туда приносили убитых и раненых – русских и немцев. Хирург ампутировал раздробленные и отмороженные руки и ноги. Холод был ужасный. Русские шли в атаку и теснили нас. Каждый раз, забираясь в сани, мы оставляли позади себя в снегу груды рук, ног, трупов. Сотни умерли во время операций, которые проводили прямо в санях, когда мы отступали морозной ночью. Лошади часто сбивались с дороги, и раненые тогда оказывались предоставленными своей судьбе, потому что врачи требовались на других позициях. Один хирург застрелился, когда понял, что несколько раз засыпал во время операций и три раза ампутировал ноги мертвецам. Но сегодня я опять видел легкую смерть. Знаешь, действительно есть такое понятие «умереть спокойно». Когда в последних мыслях человека нет злости, а только мир и покой.

Вернер привел своего плененного томми в столовую. Согласно традиции, его предупредили, что там будут и другие гости, поскольку мы хотели в первые часы помочь капитану ВВС Великобритании привыкнуть к новой для него обстановке.

Наш гость носил ленту ордена Виктории, что вызвало у нас особое уважение. Во время обеда мы узнали, что он изучал юриспруденцию в Гейдельберге и неплохо говорил по-немецки. Казалось, англичанин хотел поскорее забыть приключившееся с ним и его товарищем несчастье и вскоре принял активное участие в общей беседе.

Один только Хинтершаллерс немного заносчиво спросил:

– Герр. Мистер, а ты знаешь, кто тебя сбил?

– Да, я уже имел честь быть представленным своему сопернику. – С этими словами англичанин кивнул в сторону Вернера. – Без сомнений, ты относишься к элите немецких летчиков-истребителей?

– Ничего подобного! – грубо выкрикнул Хинтершаллерс. – Он вылетел сегодня с нами в первый раз. Настоящий новичок.

Томми смертельно побледнел.

– Непостижимо, как новичок мог меня сбить.

– Наверное, поэтому ты носишь медаль и, видимо, очень знаменит в Англии, – ехидно заметил Хинтершаллерс.

Командир эскадрильи уже собирался вмешаться, когда парень с той стороны фронта рассмеялся и указал на свою ленту:

– Это медаль за долгую службу. У меня тоже сегодня был первый боевой вылет. Но когда-то я достаточно много летал. К счастью, мне больше не придется воевать.

– Хинтершаллерс! – громко произнес наш командир, решив, что дело зашло слишком далеко. – Опустит лампу и принеси мне последний номер «Интеравиа».

Смущенный сержант с мрачным лицом направился к двери, где был привязан шнур, и дернул за него. Мы удивленно посмотрели вверх на лампу, которая опустилась над столом.

– Тоже мое изобретение, – пробормотал Хинтершаллерс, выходя из комнаты.

– О! – в восхищении воскликнул томми. – Прекрасная мысль! Если лампа чудесным образом опускается, значит, кто-то сейчас рассказывает сказки. Впрочем, это выдает вас, потому что новичок никогда не смог бы меня сбить!

– Но ты же сказал, что сегодня был твой первый боевой вылет! – воскликнули хором пилоты, хотя все мы прекрасно знали, что англичанин бессовестно лгал.

Томми в ответ только кивнул, но это вышло у него не очень убедительно.

Хинтершаллерс тем временем принес номер международного периодического издания «Интеравиа», которое нашему гостю было прекрасно знакомо.

– Взгляни сюда, – сказал наш Kapitän, обратившись к странице, на которой были напечатаны фотографии немецких асов и асов союзников. – Видишь, капитан, ты здесь с орденом Виктории. И я тоже, но с рыцарским крестом!

Тут наш гость не мог больше скрывать смущение.

– Да, – признался он, – простите, но мы всегда получаем номера «Интеравиа» позже вас.

Затем англичанин искренне рассмеялся, и мы вместе с ним.

– Итак, теперь мы в расчете по поводу сказок? – спросил наш командир, подняв бокал.

– Прозит! – крикнул томми. – Теперь мы квиты, друзья!

Около полуночи, когда большинство из нас разбрелось по своим кроватям, Хинтершаллерс все еще пребывал в состоянии смятения. Много раз он наполнял свой бокал и бокал англичанина, описывая на смеси немецкого, английского, латинского и французского языков свойства препарата для улучшения пищеварения, который он, Хинтершаллерс, производил и поставлял до войны. Его комбинация философии и таблеток для пищеварения в конце концов привела к тому, что томми, тронутый до глубины сердца и желудка, пожал ему руку.

– Хорошо, – пообещал он. – Я согласен провести презентацию твоей фирмы по всему Лондону. Завтра же полечу обратно.

Глава 5

Командир эскадрильи открыл утреннее собрание словами: «Сегодня у нас настоящая процессия. Две машины взлетают в 9.45. Цель: наблюдение за действиями врага в портах Дувр и Фолкстон. Особое внимание нужно обратить на все сосредоточения кораблей. Маршрут обычный: вдоль берега почти на нулевой высоте до мыса Гри-Не, затем на Дувр и Фолкстон. На обратном пути глядите в оба! „Спитфайры“ наверняка будут высматривать нас. Назад лучше тоже лететь через мыс Гри-Не. А теперь тянем жребий».

Короткие спички вытащили я и один пилот старше меня.

Я захватил с собой дополнительно сумку с ярко-желтым бумом и первитин. Кто знает. Вообще говоря, из разведывательных полетов могли вернуться мы оба, а мог и никто не вернуться, но вода совсем не подходящая стихия для летчика.

Британский капитан долго стоял на крыле моего самолета, изучая устройство кабины. С ним по-прежнему обращались как с нашим гостем, пока его не отправят в пересыльный лагерь для пленных летчиков в Оберурсель.

– Привет, капитан, я как раз собираюсь взлететь и взглянуть на Ла-Манш. Хочешь со мной?

Англичанин грустно улыбнулся:

– Кажется, я говорил тебе вчера. Я рад, что война для меня закончилась. Больше не буду летать. Скажи, – добавил он после паузы, – а ведь здесь тесновато, правда? Это меня интересует с технической точки зрения.

Капитан прыгнул на сиденье. Я оставил его и отправился докладывать о своем взлете, но из предосторожности положил под колеса шасси башмаки.

Наш Kapitän рассмеялся:

– Он держит нас за дураков. Оптимист!

В этот момент мы услышали, как взревел мотор.

– Англичанин собирается взлететь! – закричали механики.

Я бросился к самолету. Винт уже медленно вращался. Мотор заработал в полную мощность. Поток воздуха швырнул меня на землю, но машина упиралась в башмаки. Безнадежно было даже пытаться взлететь.

Поняв все, англичанин заглушил мотор. Я полез к кабине, поскольку в любом случае уже пришло время моего взлета. Капитан сидел, сжавшись в кресле, разочарованный и сломленный. Казалось, он был погружен в себя, его лицо выглядело постаревшим и безжизненным.

– Вылезай, капитан. Мне пора лететь!

Он застонал.

– Башмаки! Я их не заметил.

Спустя несколько минут мы летели на север на небольшой высоте, чтобы радары англичан на том берегу Ла-Манша не могли нас засечь. Мы намеренно выбрали маршрут над вспаханymi полями, лесами, деревушками и дорогами. На западе и севере далеко впереди мерцало море. Впереди в поле появилось пятнышко – крестьянин с невозмутимым видом вел двух лошадей. Этот человек слышал гул наших моторов, уверенно шел по земле, крепко держал животных за уздечки и не знал, свои мы или враги. С треском, похожим на щелчок хлыста, мы промчались над его полем, словно молнии. Быстрый взгляд назад: крестьянин по-прежнему крепко держал лошадей, которые испугались и пытались встать на дыбы. Затем внизу показалась ферма, снова вспаханые поля, лужайки и тысячи других картин живописного ландшафта.

Стоило нам только потянуть на себя штурвал, как все эти красоты, так низко мы над ними летели, превратились бы в обычные значки на карте. Возвышенность Артуа вздымалась над равниной. Этот похожий на угрожающий палец монумент пролетел мимо нас. Конические терриконы угольных шахт возвышались над нашими головами, и вскоре мы промчались над мысом Гри-Не.

Березовая рощица, небольшой утес, песок, колючая проволока и пенящийся прибой: здесь континент заканчивался, поросшую зеленой травой землю голубая вода отделяла от видневшегося неподалеку острова. Наши машины ловко маневрировали над берегом и полетели над морем, чьи прожорливые волны жадно тянулись к нам. Сейчас в самом узком месте Ла-Манша мы должны максимально экономить время. Нам было необходимо как можно быстрее преодолеть тридцать два километра. На то, чтобы долететь до противоположного берега, требовалось двести секунд. Наши самолеты почти касались белых барашков волн. Брызги обдавали фюзеляжи. Гри-Не все больше скрывался позади. На самом деле нам следовало лететь еще ниже, если мы не хотели быть замеченными в Англии.

На противоположном берегу блестела золотисто-белая линия: утесы, в которых в ожидании врага скрывались сотни орудий. Может, они уже засекли нас и подпускали ближе? Строения дуврского порта выросли и сейчас были четко видны впереди.

Вдруг со всех сторон появились вспышки, и бесчисленное количество снарядов ринулось на нас. За ними тянулись следы, словно они были привязаны к концам нитей. Мы взмыли в небо и повернули назад. Порт Дувра был пуст. Следы трассирующих снарядов остались далеко позади, когда мы направились на Фолкстон. Там в порт входил лишь один сторожевой катер.

Наша работа была выполнена, и мы повернули обратно по направлению к Гри-Не. Я огляделся по сторонам, поскольку сейчас должны были появиться «Спитфайры». Моторы наших машин работали на максимальных оборотах. Мы снизились и прикрыли воздухозаборники. Я взглянул на своего товарища. Его самолет шел устойчиво, как скала, но двигатель, казалось, «подъедал» масло, поскольку за машиной оставался след черного дыма. В следующий момент у хвоста самолета вспыхнули языки пламени!

– Ты горишь! – крикнул я, но пилот уже сдвинул стеклянный колпак и стал вылезать из кабины.

Пока мой товарищ парил с парашютом над морем, я передал по радиации сигнал 808 и сообщил координаты. Затем я стал кружить над ним, пытаюсь определить, как далеко ему до берега. Он угодил прямо на середину Ла-Манша. Я опустился ниже и очень медленно пролетел над утлой резиновой лодочкой, танцевавшей на волнах. Бедняга отчаянно пытался залезть в нее. Буй из сумки стал медленно выползать, и, наконец, большое, хорошо видимое с расстояния желтое пятно обозначило место падения летчика.

– Смотри, нет ли рядом «Спитфайров!» – услышал я в наушниках голос. Наземная станция предупреждала меня об опасности.

Я быстро взглянул на английскую сторону и увидел два, пять, девять маленьких пятнышек, летящих рядом друг с другом. Оставаться здесь дальше мне не имело никакого смысла, поскольку я уже ничем не мог помочь сбитому товарищу. Тогда я развернул свою машину к берегу и взял курс на Гри-Не.

Возгорание самолета хорошо видели с обеих сторон Ла-Манша, погоня началась одновременно с острова и материка. Несколько наших пехотинцев завели штурмовой катер и двинулись поперек пролива, в то время как британский сторожевик на всех парах несся по направлению к месту падения пилота.

Звено немецких истребителей, чье подразделение, очевидно, базировалось вблизи побережья, встретило меня над Гри-Не. Их явно отправили на поиски сбитого летчика, поэтому я присоединился к ним и повел четыре самолета к месту его падения.

Британцы уже кружили над ним, хотя под нами по воде немцы, казалось, должны были успеть к цели первыми. Плотное звено развернулось над судами. Мы атаковали сторожевик, а томми наш штурмовой катер. Вскоре мы вступили в бой друг с другом в воздухе. В результате два немца и два англичанина выпрыгнули с парашютами – вот цена спасения одного человека на воде! Сторожевой катер повернул назад, а наше судно, шедшее на помощь, перевернулось.

На моей приборной доске на указателе топлива загорелась красная лампочка. В течение двадцати минут мне было необходимо где-то приземлиться. Я вышел из боя и через десять минут сел на поле маленького, выдвинутого к побережью аэродрома.

Наши «поисковые звенья» взлетали каждый час, сменяя друг друга, а пять летчиков и три солдата со штурмового катера все еще плавали в Ла-Манше. Только днем, когда туман над водой стал гуще, британский сторожевик в сопровождении солидного эскорта «Спит-файров» снова рискнул добраться до своих и вражеских пловцов, чтобы взять их на борт. Последнее германское звено уступило этим значительным силам, но нас укрепляла мысль, что, по крайней мере, все люди были спасены.

Я присоединился к четырем самолетам соседней эскадрильи, чтобы вернуться в Аббевилль. Туман стал таким густым, что видимость снизилась до двух или трех километров, и вскоре мы летели в плотной белой вате. Каждый пилот мог видеть только соседнюю машину. Перемена погоды произошла неожиданно, мы не успели повернуть назад. Туман мог простираться широким фронтом над всей местностью под нами.

– Поднимемся выше, – приказал Schwarmführer.

Звено осторожно поднялось над мнимым горизонтом. Стрелка компаса медленно повернулась, а стрелка спидометра чуть заметно отклонилась назад. Высотомер зарегистрировал устойчивое повышение. Я периодически смотрел то на приборы, то на летящий рядом самолет, то вперед сквозь густой туман. Мы летели медленно. Высотомер показывал триста метров. Опасность, казалось, миновала, потому что вершины Артуа уже находились в каких-то ста метрах под нами.

В этот момент из-под моей машины что-то выскользнуло. Вдруг передо мной выросла зеленая стена, и я инстинктивно рванул штурвал на себя. Стрелка высотомера скакнула вверх, скорость заметно упала. Я нажал на газ, даже не понимая, перевернулась моя машина или поднималась вертикально вверх. В следующее мгновение стало светлее – солнце светило с запада, а клочковатая вата лежала подо мной.

Выровняв самолет, я стал вызывать по радиации своих товарищей, но не получил никакого ответа. Вместо этого наземная станция сообщила: «Все аэродромы в тумане. Аббевилль: толщина слоя тумана тридцать метров. В случае экстренной необходимости прыгайте!» Я долетел по компасу и секундомеру до устья Соммы. Времени у меня было совсем мало, потому что топлива в баке оставалось минут на десять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.